

УДК 327 (470:73)

DOI: 10.17223/2312461X/13/5

СИБИРСКИЕ ПИСЬМА ДЖОРДЖА КЕННАНА-СТАРШЕГО, 1866–1867 гг.*

Сьюзан Смит-Питер

Аннотация. Джордж Кеннан-старший (1845–1924) является ключевой фигурой в истории российско-американских отношений и первым американским экспертом по России. Его карьера была тесно связана с Сибирью: именно здесь он впервые побывал в России в рамках проекта компании «Вестерн Юнион» по строительству телеграфа в 1865–1867 гг., целью которого было соединить Европу и Северную Америку не посредством трансатлантического кабеля, а через Берингов пролив. После успешной реализации проекта сибирская экспедиция завершилась. Письма, представленные здесь, были написаны Дж. Кеннаном в ходе этой экспедиции. В 1865 г. ему было всего лишь 20 лет. В письмах можно увидеть впечатления Кеннана от сибирской природы, от общения с людьми, его увлеченность и способности к наблюдению, раскрывшиеся в труде «Палаточная жизнь в Сибири» – частично основанном на этих письмах классическом произведении американской литературы о путешествиях XIX в. У Кеннана, как и у других американцев в середине XIX в., было положительное представление о России. Его мнение изменилось после того, как он столкнулся с сибирскими тюрьмами. Свои впечатления от этих встреч он изложил в произведении «Сибирь и ссылка» (1891). Опыт пребывания в Сибири является ключом к пониманию жизни и деятельности Кеннана в качестве преподавателя, писателя и эксперта по России.

Ключевые слова: Джордж Кеннан, Сибирь, телеграф, Россия, США

Джордж Кеннан-старший является первым американским экспертом по России; его именем назван Институт Кеннана в Вашингтоне (США, Округ Колумбия). Среди основателей Института был его племянник – Джордж Фрост Кеннан (1904–2005), ведущий эксперт по России времен холодной войны. Кеннан-старший сыграл исключительно важную роль в истории русско-американских отношений. В период с 1776 до середины 1880-х гг. Россия и Америка являлись, по меткому замечанию одного исследователя, «дальними друзьями» (Saul 1991). Обе страны поддерживали сдержанно дружеские отношения. Проявлением добрых чувств в этих отношениях можно считать, например, переписку между Томасом Джефферсоном и Императором

* Данная работа была впервые опубликована в тематическом выпуске Института Кеннана № 310, доступном по адресу: <https://www.wilsoncenter.org/publication/the-siberian-letters-george-kennan-the-elder-1866-1867-2016>.

Александром I, а также визит русских военно-морских сил в порт Нью-Йорка в 1863 г., воспринятый как знак поддержки Россией Севера в американской Гражданской войне.

Александра II, отменившего крепостное право в 1861 г., часто сравнивали с Авраамом Линкольном (Saul 1991). И русские, и американцы нередко сравнивали друг с другом Сибирь и американский Запад и видели в них землю будущего (Bassin 1999). В 1880-е гг. Кеннан стал инициатором серьезного сдвига в американском общественном мнении в отношении России – от в целом позитивного к более критическому и скептическому. Причиной этого сдвига стало знание о том, как российское правительство обращается с политическими заключенными в Сибири. В качестве такового оно утвердилось на долгое время (Good 1982; Travis 1990; Fogelsong 2007). Тем не менее Кеннан продолжал уважать русский народ и возлагать на него большие надежды.

Цель данной работы – оживить образ Кеннана-старшего посредством его писем из первого путешествия в Сибирь. Кеннан отправился работать в составе экспедиции по проекту «Русско-американский телеграф» с 1865 по 1867 г. в один из самых суровых регионов мира, когда ему было всего 20 лет. Он родился в 1845 г. и, согласно его неопубликованной автобиографии, рано заинтересовался путешествиями. «До того, как мне исполнилось 5 лет, – писал Кеннан, – у меня был целый флот маленьких деревянных кораблей – грузовых, военных – а также пиратов, изготовленных отцом или вырезанных мною из бруса; их я использовал для совершения плаваний через ковер в столовой комнате к тропическим портам позади печки или к арктическим берегам в пустующей спальне, где не было камина» (Daniloff 1999: 604–605). В 12 лет, вследствие финансовых проблем, с которыми столкнулась его семья, Кеннан был вынужден оставить школу и стал работать телеграфистом. В то время телеграф, транслировавший информацию посредством азбуки Морзе, связал мир воедино и позволял быстро передавать новости всюду, где были телеграфные провода.

Жизнь самого Кеннана оказалась тесно связана с телеграфом; как он впоследствии размышлял: «Сети окружения... в которые я попался в самом раннем детстве, были сетями телеграфных проводов... Именно телеграф сделал из меня помощника кормильца семьи, моего отца, до того, как мне исполнилось 12 лет; главным образом из-за телеграфа я не получил университетского образования, именно благодаря телеграфу я впервые отправился в Сибирь; он сделал меня путешественником, исследователем и пробудил во мне интерес к России; телеграфу я обязан своим вхождением в журналистику, литературу и преподавание. Порой я странствовал в далеких краях, но телеграфной линией, ее воздействием я всегда и всюду был связан» (Travis 1990: 4).

Кеннану пришлось рано повзрослеть и стать добытчиком для семьи; это не давалось ему легко из-за незавершенного обучения, пробелы в котором он самостоятельно восполнял ненасытным чтением, а также из-за испытываемого им чувства необходимости быть мужчиной, в то время как в действительности он все еще оставался мальчиком. К этому добавились другие испытания: в 13 или 14 лет он стал свидетелем страшной процедуры ампутации, спровоцировавшей у него приступ тошноты и слабости (Travis 1990: 8; Daniloﬀ 1999: 601). Вдобавок, в силу юного возраста и по состоянию здоровья, его не взяли в ряды армии Севера, что заставило Кеннана усомниться в собственной мужественности. В итоге он поступил на службу в Военный телеграфный корпус, работая на Север, но не имея возможности принимать участие в военных действиях и проявить свою храбрость (Travis 1990: 6).

После службы в разных местах долгие часы за телеграфным ключом, которые он проводил в Цинциннати в 1863–1864 гг., начинают угнетать его. Кеннан целенаправленно испытывает себя, гуляя после окончания своего рабочего дня в два часа пополудни по неприветливым улицам все еще пограничного городка и наблюдая за опасными происшествиями, например, за тем, как кому-то перерезают горло; таким образом, приступы головокружения проходят. Однако этого было недостаточно. Он понимает, что нервный срыв неизбежен, если он не покинет Цинциннати (Travis 1990: 7). Узнав о возможности поехать в Сибирь в рамках масштабного проекта по соединению Европы и Америки с помощью телеграфной линии, он не мог не воспользоваться этим шансом.

Телеграфные сети в Америке и Европе в 1830-е гг. развивались быстрыми темпами, но здесь имелись большие недоработки. Так, не существовало способа прямого телеграфного сообщения между двумя континентами, что означало, что новости нередко устаревали на недели и месяцы до прибытия кораблей, доставлявших их. Тот, кто первым сумел бы организовать такое сообщение, имел возможность стать технологическим лидером и мог установить высокую плату за пользование сетями, по крайней мере, до тех пор, пока конкурентам не удастся сделать то же самое. Было предпринято несколько попыток проложить телеграфный кабель по дну Атлантического океана, однако различного рода проблемы не позволили добиться успеха (Gordon 2003). Сайрус Филд работал над выполнением этой задачи со стороны Атлантики, Перри Коллинз же предложил связать телеграфные сети Соединенных Штатов и России через Канаду, Русскую Америку (с 1867 г. известную как Аляска) и далее, через Берингов пролив, с Сибирью (Dwyer 2001).

Несмотря на серьезные трудности, Коллинз смог достичь соглашения между британскими и русскими властями по данному вопросу и извлечь из этого выгоду, продав соглашение компании «Вестерн Юни-

он». Кеннан присоединился к сибирской группе компании, известной под названием экспедиции «Русско-американский телеграф», и стал самым видным американским путешественником по Сибири после Джона Ледьярда, который странствовал по этому региону в 1787 и 1788 гг. (Ledyard 1966). Кеннан, желавший на деле доказать свое мужество, посчитал, что испытание Сибирью – это то, что ему было нужно.

Трудностей, с которыми ему пришлось здесь столкнуться, действительно, оказалось немало. Первый этап путешествия по Камчатке был изнурительным (и бессмысленным, так как телеграфная линия здесь не проходила). Работа при минусовых температурах изматывала, но была необходима, поскольку в теплые месяцы тундра становилась слишком сырой для установки телеграфных столбов. Неэффективное управление внутри компании «Вестерн Юнион» привело к тяжелому положению участников экспедиции: начался голод, и только Кеннан, не без риска для самого себя, сумел прийти им на помощь. Вдобавок к этому корабли снабжения, которых они ждали в течение нескольких месяцев, прибыли слишком поздно, застряв во льдах и вынудив Кеннана, ответственного за подразделение, базировавшееся в Гижиге на Охотском море, разделить свои истощающиеся припасы с экипажем.

В 1866 г., после успешной прокладки трансатлантического кабеля, компания «Вестерн Юнион» приняла решение завершить проект по строительству телеграфа, однако Кеннан получил известие об этом лишь почти год спустя. Он вложил *большую* часть своих сбережений в акции данного проекта и мог бы обменять их на обычные акции компании, но узнал о завершении проектных работ слишком поздно (Travis 1990: 18) и, таким образом, потерял *большую* часть своих средств, а также возможность выплатить долги своего отца и создать основу собственного финансового благополучия.

Тем не менее, несмотря на все трудности, Сибирь стала его судьбой. В 1870 г. он опубликовал свой труд «Палаточная жизнь в Сибири», который был многократно переиздан и оценивается специалистами как одно из великих произведений XIX в. о путешествиях (Wrobel 2015). В книге Кеннан предстает как отважный путешественник, и читателя впечатляют сила автора, его невозмутимость и способность к наблюдению. Эта работа принесла ему необычайный успех и на преподавательском поприще.

В приведенных ниже письмах Кеннана-старшего мы видим более сложную историю человека в разных его состояниях: игривом, сердитом, смиренном и открытом. Он часто пишет о том, что у него достаточно сил для работы в экспедиции (об этом он сообщал разным членам своей семьи), и это обнажает не покидавшее его чувство необходимости убедить в этом своих друзей и близких. Представленные здесь письма хранятся в Отделе рукописей и архивов Нью-Йоркской публич-

ной библиотеки. До сих пор они не изучались, поскольку основные работы о жизни Кеннана в этот и другие периоды опирались на более крупный его архив, находящийся в Библиотеке Конгресса. Однако именно эти письма позволяют сформировать более глубокое понимание личности Кеннана-старшего в тот период, когда он подвергался испытаниям судьбы.

Не стоит удивляться тому, что Россия в письмах Кеннана и его работе «Палаточная жизнь в Сибири» предстает в положительном свете, учитывая, что таковым было общее восприятие страны до того, как сам Кеннан инициировал сдвиг в сторону негативной оценки действий русского правительства в середине 1880-х гг. К тому же Кеннан был горячим сторонником Севера в Гражданской войне в Штатах, и, как уже упоминалось выше, Россия также поддерживала северян. Благоприятное отношение к российскому государству объяснялось и личными мотивами Кеннана, связанными с его желанием утвердиться в качестве независимого, взрослого человека и сильного мужчины. Если бы Кеннан выражал негативное отношение к России, его читатели, возможно, подумали бы, что это – следствие его неспособности преодолеть физические трудности экспедиции, чего он, безусловно, не хотел.

Кеннан поддерживал русское правительство. Выступая в разных городах США в качестве лектора, в 1870 г. он отправился на Кавказ за дополнительным материалом для своих открытых лекций. В военных действиях русских против чеченцев и других местных горцев он видел достойную сожаления, но необходимую кампанию русской цивилизации (Kennan 2002). В начале 1880-х гг. Кеннан был уже очень хорошо известен американской публике как лектор и автор «Палаточной жизни», и в это время он направляется в Сибирь, чтобы составить собственное представление о положении ссыльных в регионе (Stults 1970).

В 1885 г. Кеннан отправился в масштабное путешествие по местам сибирской ссылки; это оказалось поворотным моментом в его жизни. Русское правительство оказало ему поддержку в данном мероприятии. В ходе поездки он встречает Николая Ядринцева, сибирского областника, который был обвинен в провозглашении независимой республики под названием «Соединенные Штаты Сибири» в 1865 г. и выслан из Сибири (von Mohrenschildt 1981: 105). Позднее Ядринцев написал труд «Сибирь как колония», в котором доказывал, что русское правительство эксплуатирует Сибирь, и куда включил информацию о масштабах и условиях ссылки. Именно он познакомил Кеннана с сибирскими политическими заключенными и ссыльными, чьи свидетельства и рассказы усилили негативное отношение Кеннана к системе ссылки (Hundley, без даты).

Так, Кеннан вернулся из поездки по Сибири признанным критиком русского правительства. Его лекции, посвященные сибирской ссылке, стали сенсацией. На свои открытые занятия он приходил в типичной

одежде сибирского ссыльного с кандалами (Wrobel 2015: 301). Кеннан стал еще более известным после выхода в 1891 г. его работы «Сибирь и ссылка», которую, по силе воздействия на читателя, часто сравнивают с произведением Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

1890-е гг. стали наиболее важными в жизни Кеннана. Он оказывал значительное влияние на общественное мнение, выступая в поддержку политических заключенных – порой смягчая их радикальные и революционные идеи – и против русского правительства. Он подчеркивал, что является критиком русского правительства точно так же, как он является другом русского народа. Он писал: «Что касается меня, то мои симпатии – на стороне русского народа, но не России царей, они – с Россией провинциальных собраний, но не с Россией тайной полиции, они с Россией будущего, но не с Россией прошлого» (Stults 1970: 276).

Политическая деятельность Кеннана, однако, была не единственным увлечением в его жизни. Во второй половине 1890-х гг. он стал отказываться от чтения лекций о ссылке, объясняя это тем, что данная тема – очень тяжелая, и вновь обратился к материалу о своих первых приключениях в Сибири в 1860-е гг. (Stults 1970: 281). Приход к власти большевиков и установление однопартийной системы в России глубоко разочаровали Кеннана, состоявшего в дружеских отношениях с представителями разных партий в стране. Кеннан ушел из жизни в 1924 г., но и по сей день он продолжает оставаться самым влиятельным экспертом по России в американской истории.

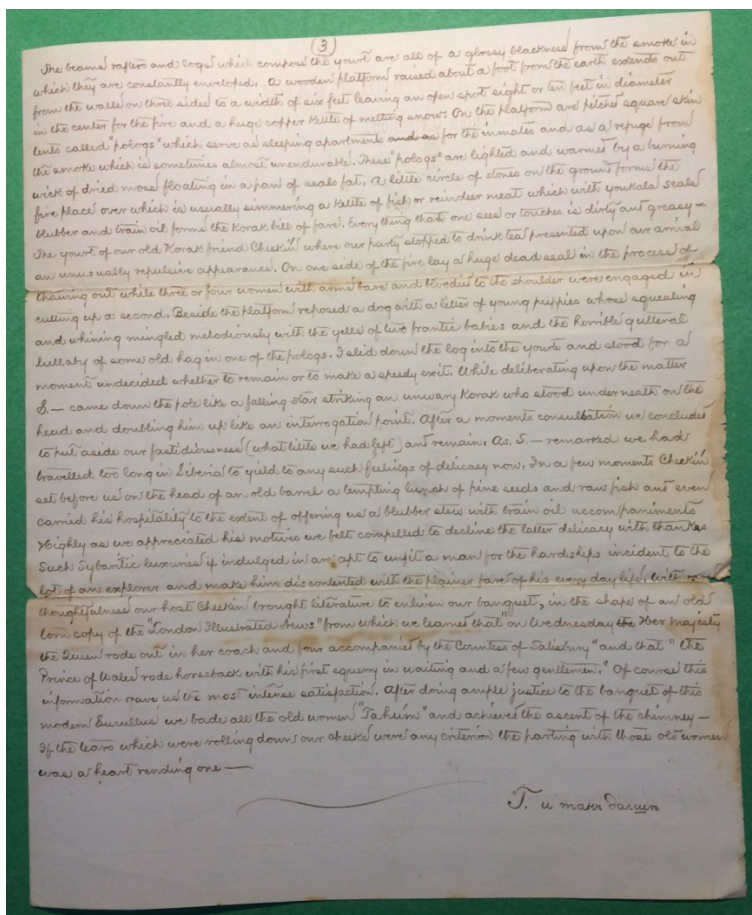
Давайте обратимся к его письмам, во время написания которых он еще не был «старшим». Он был молодым человеком, искавшим самоутверждения в приключениях.

Письма Джорджа Кеннана-старшего

Примечание С. Смит-Питер 1: В первом письме, приведенном ниже, мы видим, как Кеннан работает над описанием своих наблюдений, проявляя склонность к противопоставлениям. Здесь он сравнивает возвышенную красоту сибирской природы с грязными интерьерами полуземлянок оседлых коряков, одного из коренных народов Сибири. Письмо содержит фрагмент из записной книжки Кеннана, послужившего одним из источников для написания 21-й главы книги «Палаточная жизнь в Сибири», в которой он также дает описание жилища местного населения.

Дэвид Роубл отмечает, что Кеннану значительно больше нравились так называемые бродячие коряки, которые казались ему мужественными, сильными и независимыми, в отличие от оседлых коряков, воспринявших, по его ощущению, лишь пороки цивилизации, но не ее добродетели (Wrobel 2015: 293). В зрелом возрасте Кеннан начал выступать в поддержку прав американских индейцев на землю, пребывая, отчасти,

под влиянием добрых воспоминаний о сибирских коренных народах (307). Надстрочные записи Кеннана приведены здесь в фигурных скобках { }, те же части текста, что оказались вычеркнутыми из оригинала, даны в квадратных скобках []. Все подчеркивания, имеющиеся в письмах, соответствуют оригиналу.

Главный штаб, Азиатское подразделение
Гижига, Северо-Восточная Сибирь
31 января – 12 февраля 1866 г.

Моя Дорогая Сестра Хэтти;

Свое последнее письмо я написал тебе, полагаю, во время метели на реке Парень, где я провел одну ночь по пути в «Лагерь Кеннана» на реке Тигиль – нынешнее расположение группы лейтенанта Сэнфорда. Письмо, конечно, не было ни особо длинным, ни особо интересным, учитывая

эти обстоятельства. Я скорее писал из любопытства и с целью скоротать длинную, длинную полярную ночь, всячески надеясь, что она окажется интересной. Не каждый день, однако, получаешь письма, написанные посреди сибирского бурана в сотнях миль от ближайшего дома. Возвращаясь в Гижигу, я столкнулся с целым рядом не очень приятных приключений, часть из которых я изложу здесь, чтобы тебя поразвлечь. По предложению Сэнфорда я назову эту зарисовку «Телеграфирование в Сибири». Ты можешь поместить ее в ряд с остальными моими очерками и соберешь в результате достаточно большую коллекцию. Описания пейзажей и прочего в том, что последует, можешь считать точными. Я вовсе не пытался что-то преувеличить или приукрасить.

Телеграфирование в Сибири

Часть II

Лист, вырванный из блокнота телеграфиста

Ясное, необычайно холодное утро на берегу Пенжинского залива. Несмотря на то что уже почти десять часов, солнце еще не встало, но единственная белая звезда на востоке уже едва дрожит в наступающем оранжевом восходе, и заснеженные горы Каменной все отчетливее вырисовываются в усиливающемся приливе дневного света. Глубокая тишина воцарилась над одинокой «юртой» в лесу, опоясавшем реку, но если бы не груженные нарты, лежавшие среди деревьев, и собаки, свернувшиеся, словно черные мячи на снегу, в некоем огромном сугробе перед собой, вряд ли кто-либо мог бы признать жилище человека. Пейзаж был, в каждой своей составляющей, отчетливо сибирским: удивительно ясный, прозрачный воздух; густой серый туман, нависающий над водной гладью залива; обширные заснеженные степи, простирающиеся от окраины леса до белых призрачных гор в отдалении; здесь и там – беспорядочное скопление собак и нарт между деревьями впереди. Все это составляло картину, подобную которой нельзя найти за пределами Северо-Восточной Азии. Когда край солнечного диска показался между далекими, похожими на облака вершинами Каменной, взгляду предстал завораживающей красоты пейзаж. Горизонтальные лучи света, расцвеченные легкими колебаниями воздуха, казалось, не просто окрашивают поверхности, которых касаются, но вливаются в них, заряжая сиянием, до самой их сердцевины так, что кажется, будто в действительности свет был внутри и изливался вовне посредством полупрозрачного медиума. Деревья вокруг юрты, покрытые плотным инеем от испарений с открытой воды залива, сияли неопишуемой славой. Каждая ветвь и веточка не только переливались и сверкали, будто нить украшений, но казались исполненными света зари цвета розового кварца. Одно из них, склонившись над юртой, представало взгляду сложной сетью розового, высво-

бождаемого ослепительными вспышками, когда нежный утренний воздух шевелил его ветви – само прославление дерева. По мере того, как нараставший свет описывал очертания гор на западном горизонте, начинало казаться, что прикосновение волшебной палочки не обошло и их. Они демонстрировали фантастические, непрестанно меняющиеся силуэты и были равно прекрасны в своем цвете, как и новы в своей форме – великолепные колонны, высеченные из розового кварца, вытянутые, вероятно, на тысячи футов в высоту, эти горы, казалось, были обращены друг к другу, внизу же царил совершенный хаос из ужасающих обрывов, массивных острых скал и живописных долин. Пока наблюдаешь и восхищаешься ими, колонны постепенно смыкают свои вершины, создавая громадную арку, подобную воздушному portalу, сквозь который проступает голубое небо. Затем все преобразается {незаметно} в огромную крепость с массивными бастиянами и опорами, боковыми башнями, глубокими бойницами и выступающими и вогнутыми углами, тени и вид которых естественны как сама действительность. Вообразите, как лучи восходящего солнца заливают этот изумительный мираж нежным розовым светом, и тогда вам, возможно, удастся получить поверхностное представление об одном из самых прекрасных явлений. Ничто из того, что я когда-либо видел на севере, не может превзойти это по красоте, за исключением северного сияния февраля 1865 г.

Со своей острой тягой к прекрасному наша небольшая группа лишь ненадолго могла позволить себе созерцание такового, поскольку в тот день нам предстояло отправиться к реке Парень, через сорок верст по степи. Эстетика уступила место практике, и уже вскоре мы принялись за исполнение привычных каждодневных обязанностей, запрягая собак, пакуя нарты, готовясь в общей суматохе к началу путешествия. Поочередно все повозки выдвинулись со своим грузом в путь, и длинная вереница по извилистой траектории отправилась по степи в направлении корякского села Куэл. Я должен извиниться за то, что называю Куэл селом. Тому нет никаких причин – лишь то, что оно не похоже ни на что иное на земле и должно называться селом, без оглядки на Вебстера и всех прочих лексикографов. Вначале пред путником предстает нагромождение из гигантских песочных часов, грубо сооруженных из дерева, которые в какое-то отдаленное время обрели свою форму в результате вертикального давления на них и были постепенно доведены до состояния обветшания и упадка. Он, возможно, станет изучать их с любопытством антикварщика как свидетельство прошлых эпох и жизни неизвестных людей, едва ли предполагая, что сегодня в них кто-то живет. Узнав о том, что невзрачная конструкция перед ним – это дом, озадаченный путник, конечно, заинтересуется, а где же дверь. И его проводник с лоснящейся кожей и широкой ухмылкой на лице укажет на гладкий черный шест, приставленный к верхнему краю покосившейся

конструкции под углом к земле. Пока путник колеблется, пытаясь установить связь между шестом и входом, его гид с ловкостью, выработанной годами, взберется на шест и, бросив взгляд с высоты, неразборчиво буркнет то, что, по-видимому, означает «поднимайся». Легко сказать, но очень трудно сделать тому, кто своей физической подготовке когда-то уделял так мало внимания. Со сбитым дыханием и грязными руками путник взбирается в тот момент, когда его проводник уже исчезает в черной круглой дыре, похожей на устье трубы, извергающей черные клубы дыма. Задыхающийся и ослепленный дымом, он следует примеру своего провожатого и сгибается, чтобы пролезть в отверстие, с вполне обоснованным опасением оказаться, в конечном итоге, либо в печи, либо в огне. Полагаясь на удачу, он соскальзывает вниз по еще одному засаленному шесту, пока, наконец, не достигает земной тверди под аккомпанемент хора протяжного приветствия «zda-ro-o-o-va-a-a's»¹, и, открыв испуганные глаза, оказывается перед полудюжиной худых пожилых женщин, которые сидят со скрещенными ногами на возвышении вокруг огня и шьют одежду из меха. Интерьер корякской юрты странен и не слишком привлекателен для того, кто, будучи более удачливым, чем я, не привык к ее дыму и холодной атмосфере. Единственный свет, и тот – унылый и мрачный – проникает в нее через круглое отверстие наверху, которое служит окном, дверью и дымоходом, и к которому ведет перпендикулярно установленный в центре столб.

Плахи и жерди, составляющие юрту, – все покрыты глянцевочерным налетом от дыма, постоянно окутывающего их. Деревянная платформа, примерно на фут возвышающаяся над землей, с трех сторон выступает за пределы стен на шесть футов, оставляя в центре открытый участок восьми–десяти футов в диаметре для очага и огромного медного котла с талым снегом. На платформе растянуты квадратные кожаные навесы «пологи», служащие спальными местами [и в качестве] для больных и в качестве убежища от дыма, который часто просто невыносим. Эти «пологи» освещаются и обогреваются горящим фитилем из сухого мха, плавающего в плошке с тюленьим жиром. Небольшой круг из камней на земле обозначает очаг, над ним обычно медленно кипит котел с рыбой или олениной, которые вместе с юколой, ворванью, мозгом и жиром составляют меню коряков. Все, что видно и к чему прикасаешься, покрыто грязью и заляпано. Юрта нашего старого корякского друга Чикина, у которого мы остановились выпить чаю, в момент нашего прибытия выглядела необычайно отталкивающе. С одной стороны очага оттаивал один огромный мертвый тюлень, в то время как три или четыре женщины с голыми и окровавленными по плечи руками занимались разделкой второго. Рядом с возвышением отдыхала собака с щенками: их визг и писк мелодично смешивались с криками двух беспокойных малышей и ужасной горловой колыбельной песней в ис-

полнении какой-то старой карги, доносящейся из одного из пологов. Я спустился в юрту по столбу и замер на мгновение в нерешительности – остаться или поскорее удалиться. Пока я обдумывал это, С. слетел вниз по шесту, словно падающая звезда, ударил по голове ничего не подозревавшего коряка, стоявшего внизу, и согнул его в форму вопросительного знака. После минутного совещания мы решили отбросить в сторону свою брезгливость (то небольшое, что от нее оставалось) и не уходить. Как заметил С., мы слишком долго путешествовали по Сибири, чтобы сейчас поддаться приступу деликатности. Через несколько мгновений Чикин подал нам на старой бочке соблазнительный обед из кедровых орехов и сырой рыбы и поднялся до такой вершины гостеприимства, что предложил нам похлебку из ворвани с жиром. При всем своем уважении к его намерениям, мы были вынуждены отклонить второе лакомство со словами благодарности. Погружение в подобного рода удовольствия способно лишить человека сил, необходимых, чтобы справляться с трудностями исследовательской доли, а также отбить у него желание довольствоваться простыми радостями повседневной жизни. Проявив редкую заботу, наш хозяин Чикин, чтобы оживить застолье, извлек литературу в виде старой потрепанной копии «Иллюстрированных лондонских новостей». Так, мы узнали, что «В среду Ее Величество Королева выехала в своей карете с четверкой в сопровождении Графини Солсбери», и что «Принц Уэльский ехал верхом в сопровождении своего главного конюшего и нескольких джентльменов». Разумеется, эта информация нас необычайно порадовала. Отдав должное столу этого современного Суцелла, мы, сказав «Tahum», простились со всеми пожилыми женщинами в юрте и взобрались на дымоход. Если оценивать ситуацию по слезам, катившимся по нашим щекам, можно сказать, что расставание с этими старыми леди было просто душераздирающим. ----

Т. и так дальше²

От Джорджа Кеннана Хэтти Кеннан, 31 января – 12 февраля 1866 г., ящик 1, файл 1, документы Джорджа Кеннана, Отдел рукописей и архивов, Нью-Йоркская публичная библиотека.

Примечание С. Смит-Питер 2: Следующее письмо имеет большое значение, поскольку показывает, что Кеннан видел себя в качестве сибирского ссыльного уже в 1866 г. Несмотря на утверждение, что он не писал о сибирских ссыльных в ходе своей первой поездки в Сибирь, тот факт, что он озаглавил свои воспоминания «Жизнь, страдания и плен сибирской ссылки» является важным и указывает на степень его идентификации с сибирскими ссыльными. Даже если предположить, что все началось с шутки дабы показать своей семье, насколько остро он переживал разлуку с родными, эта идентификация со временем укрепилась и привела Кеннана к тому, что свои лекции он стал читать в робе сибирского

ссылного и кандалах. Он всегда подчеркивал крепость своего телосложения. Возможно, что представление себя сибирским ссылкой было для него способом отделиться от семьи и утвердиться во взрослом качестве. Письмо также ясно объясняет структуру телеграфной экспедиции и дает интересное описание опыта работы Кеннана врачом в Сибири. В нем, как и в нескольких других письмах, приведенных здесь, отсутствуют завершающая часть и подпись. Письмо адресовано доктору Чарльзу Морриллу из Норуолка, Огайо – родного города Кеннана. Моррилл (1820–1892) был врачом-гомеопатом, дожил до 72 лет, работая до последних дней. Он выезжал к своему последнему больному за день до собственной смерти (Commemorative Biographical 1894: 265–266).

Гижига, внутренняя часть Гижигинского залива
Понедельник 4–16 июля 1866 г.

Уважаемый Доктор,

Полагаю, Доктор, вы впервые узнали, что существуют такие места, как то, чье непроезжистое название размещено вверху этого листа. С удовольствием представляю, как вы открываете конверт и бросаете взгляд на письмо; вы разворачиваетесь в своем офисном кресле и с изумленным видом вопрошаете: «Гижига! Где, ----- во имя всего географического, это находится?» Не нужно заглядывать в какой-нибудь старый атлас Колтона или потрепанный географический справочник, чтобы найти его: до нашего прибытия оно не продемонстрировало достаточной значимости, чтобы привлечь внимание издателей карт и составителей справочников, так что нас по всем практическим соображениям можно рассматривать в качестве первооткрывателей. Это небольшая деревня в Северо-Восточной Сибири у внутренней части Гижигинского залива, одного из северных рукавов Охотского моря – деревня, обреченная в будущем на дурную славу в качестве «Главного штаба Азиатского подразделения Русско-американской телеграфной компании». Я праздно проживаю здесь с 27 марта – момента своего возвращения из Анадырска, ожидая прибытия наших судов, но так как они, похоже, про нас совсем забыли, я принялся за написание собственных мемуаров в трех томах со множеством иллюстраций, чтобы они {были} переданы потомству, в случае если упомянутые суда никогда не придут и у меня не получится вновь добраться до какого-либо цивилизованного места. Я озаглавлю их *«Жизнь, страдания и плен сибирского ссылки»*, написанные им самим. В перерывах по ходу этой серьезной работы, в качестве отдыха, я, в слабой надежде получить хоть какой-то ответ, также пишу письма всем своим друзьям – уже четырнадцать месяцев не было слышно ничего ни от них, ни из дома.

Я намеревался написать вам прошлой зимой до своего отъезда в Анадырск, но был полностью занят подготовкой собак, нарт и экипировки нашей небольшой группы к зимним путешествиям, так что у меня не было возможности черкнуть пару строк даже домашним. С тех пор я непрерывно странствовал, как неутомимый коряк, по всему региону – от сего места и до Анадырского залива, днем управляя нартами, а ночью засыпая на снегу под голубым полярным небом, так что я не смог бы написать, даже если бы захотел. Я ни разу не получил письма из дома после того, как написал им, что вот-вот собирался отправиться на Камчатку, и мне очень любопытно, что же они подумали, когда узнали, что мы поехали на север через Камчатку верхом на лошадях. Уверен, что много было встревоженных разговоров по этому поводу в нашем небольшом семейном кругу у камина, так как приближались долгие зимние вечера, и росли опасения за нашу безопасность. Я знаю точно, как они говорили об этом: Отец разглагольствовал о моих чрезмерных амбициях, безрассудстве и авантюризме и высказал опасение, что я могу вызваться участвовать в рискованных и трудных экспедициях, слишком изнурительных для моих сил. Мать всегда представляла себе картину, как ее блуждающий сын лежит больной в какой-то лачуге посреди диких мест, без друзей и поддержки и без доктора Моррилла, который мог бы помочь выбраться из трудностей. Дженни с тревогой рассказывала о лишениях, штормах, экстремальном холоде и опасности, что мое «хрупкое телосложение» даст о себе знать в этих многих испытаниях, которым я подвергнусь. Хэтти с искрой гордости за отважность своего брата противостояла мнению Отца, и все же, вздохнув, подумала, как трудно быть так долго вдали от дома, друзей, общества и страны. Прочтите им это письмо и убедитесь, что именно об этом они сотни раз думали. Тем временем неосознанным предметом их обсуждений были: управление собачьими упряжками, охота на оленя, блуждание в горах во время бурана и жизнь в юртах коряков и чукчей в бескрайней заснеженной степи за шесть тысяч миль от дома. К счастью, ни одно из их мрачных предчувствий не осуществилось. Я побывал в одной или двух несколько опасных экспедициях, но везение и доброе здоровье не покинули меня, и я имею удовольствие сознавать, что ни одно из моих предприятий не провалилось. Думаю, что крепость моего телосложения отныне получила триумфальное подтверждение: я сам сейчас лучшего мнения о нем, чем я когда-либо был прежде, ведь оно выдержало все испытания, что нам пришлось пережить, и у моей Матери больше не будет основания плакать из-за моего хрупкого здоровья и «нехватки жизнестойкости»!! Возможно, она думает, что не требуется особой жизнестойкости, чтобы спать на снегу при –50 градусов, ехать верхом в течение недели, промокнув насквозь, днем и ночью без еды, и когда за пять месяцев преодолеваешь на лошадях, оленях и саних свы-

ше шести тысяч верст по сибирской земле. Возможно, это не так, но я считаю, что молодому человеку хрупкого телосложения было бы несколько трудно пройти через все это.

Я отправил домой описание наших «путешествий и приключений», которые, я предполагаю, Отец вам показал, так что не стану повторять его здесь, но резюмирую ту работу, что была проделана Азиатским подразделением с момента нашего прибытия сюда в декабре, а также напишу о том, что есть перспективы успешного создания здесь линии. Путь в шесть тысяч верст между рекой Амур и Беринговым проливом был исследован и установлен, хотя в одном или двух местах желательно провести дальнейшее изучение в летнее время. Дома и здания для нашего пользования были приобретены или построены в Охотске, Ямске, Гижиге, Пенжине, Анадырске и других местах вдоль этого пути. Для транспортировки были приобретены и находятся у нас под рукой собачьи упряжки и олени. Работа шла во множестве мест отсюда и до Охотска, и уже поставлено значительное число столбов. Пятьдесят работников было привлечено к работе в Анадырске в апреле, и мы полагаем, что все столбы для Анадыри к настоящему времени готовы и распределены, так как Мистер Буш приказал спустить их вниз по реке, как только позволит лед. Через каждые тридцать или сорок миль между Анадырском и устьем реки были построены юрты и дома для укрытия, и все, так сказать, находится в состоянии рвения. Этого удалось достичь, начиная с декабря месяца, усилиями пяти человек. Мы исключительно довольны проведенным исследованием, и я полагаю, что ни у кого из тех, кто участвовал в нем, нет сомнения, что можно успешно построить и поддерживать телеграфную линию в Азии. Я определил маршрут отсюда и до устья Анадыри, и об этом участке я могу говорить с уверенностью. Я гарантировал бы, что, при должной поддержке, построю линию за два года и смогу управлять ею так же успешно и недорого, как и любой, равной ей по протяженности, линией в Штатах. Я не пишу эти слова в спешке или необдуманно; я проходил ее всю два или три раза и детально знаком с препятствиями и трудностями. Путь от реки Амур до пролива может быть разделен, в соответствии с природными условиями, на три четких и во многом отличающихся друг от друга участка, каждый из которых связан с определенными сложностями и требует своего подхода при прокладывании линии. Сначала это – лесистая местность, простирающаяся от Амура до участка в двух сотнях миль западнее Гижиги. Затем бесплодная земля – оттуда и до реки Аклан – еще пять сотен верст. Третий участок – речной – от Аклана до устья Анадыри на протяжении восьми сотен верст. На первом участке самая тяжелая работа будет заключаться в очистке территории от густого, ненужного леса, для того, чтобы проложить дорогу для линии. На втором трудность состоит в транспортировке столбов на большие

расстояния с помощью собачьих упряжек, поскольку на протяжении всех пятисот верст, за исключением некоторых отрезков по берегам ручьев, здесь едва ли найдется одно дерево. На третьем участке, речном, серьезных сложностей нет: линия проследует вдоль рек, по большей части, судоходных и окруженных лесом, где не потребуются ни спиливать деревья, ни транспортировать столбы издалека. Территория изобилует дичью и рыбой, а также прекрасными местами для строительства станций. Мы в течение всего года сможем снабжать их свежим мясом, которое можно закупать по ничтожной цене у многочисленных племен тунгусов, коряков и чукчей, повсюду скитающихся с огромными стадами оленей. В большинстве мест лошади и крупный скот не требуют внимания в течение года. На Колыме, на 71° широты, их тысячи. Здесь можно выращивать капусту и репу, а на территории отсюда и до Амура – еще и картофель, пастернак, морковь и бобы. Рыба, гуси и утки изобилуют в летнее время. Вы понимаете, таким образом, что пропитание не тот вопрос, который должен нас волновать. Что касается цинги, едва ли стоит говорить, что я никогда не слышал здесь о ней. Когда линия будет сооружена и начнет работать, когда удобные дома будут построены через каждые тридцать–сорок миль и будут обеспечены собаками, лошадьми, скотом и небольшими дворами, журналы и новые книги станут циркулировать по всей линии от Санкт-Петербурга (договоренности об этом уже достигнуты), я, в самом деле, не считаю, что жизнь здесь будет так уж трудна. Сотрудники будут беспрепятственно работать и хорошо отдыхать. Летом они смогут выращивать свой сад, ездить на лошадях, плавать по рекам, охотиться на медведя и оленя, а зимой – читать, писать, спать, ездить на собачьих упряжках, ловить лисиц, зайцев и куропаток, не говоря уже о маскарадах, танцах, гонках на собаках и хождении на снегоступах, которые составляют одну из забав этого времени года. Мы будем всегда получать мировые новости так же скоро и регулярно, как если бы мы жили дома. Я могу быть странным в своих оценках, но я бы предпочел прожить два года такой жизни здесь, вместо года унылого, монотонного существования в Цинциннати. Пожалуй, я подвергся таким же большим испытаниям, каким подвергается любой другой путешественник в этой стране и даже *большим*, чем те, с которыми может в дальнейшем столкнуться любой из сотрудников компании. И все же, в целом, я довольно хорошо провел время – настолько хорошо, что не против остаться здесь еще на год или два. Вот и все о жизни в Сибири, какой она будет.

Полагаю, вы не знаете, что здесь я заработал приличную репутацию в качестве врача. Это так и иллюстрирует то, на каком, порой, хрупком основании может зиждиться репутация. В Анадырске меня считают очень подготовленным в деле врачевания, а бесчисленные случаи, которыми я занимался там, позволили бы молодому врачу сколотить состояние. Ха-ха.

Это было бы забавное зрелище, если бы вы увидели доктора Кеннана, объезжающего своих пациентов на собачьей упряжке ясным зимним утром в Анадырске. Я довольно часто ездил в дом русских, что расположен в трех милях вверх по реке – к одной пожилой женщине, страдавшей от воспаления легких. Обычно меня отвозил туда на отличной упряжке один казак, и это было очень приятное путешествие. У дома всегда стояли часовые, которые подавали сигнал о том, что я приближался, и когда я подъезжал, меня неизменно приветствовали залповыми выстрелами из четырех или пяти ружей. Дом всегда был убран до блеска, женщины – одеты в свои лучшие наряды и в цветастые платки, чайник весело кипел на ярком огне очага, и посреди комнаты стоял стол с местными деликатесами – оленьими языками и пирогами, покрытый белой скатертью. Раньше мне казалось, что нужды пациента – превыше потребностей врача, но в Сибири это не так. Я должен был сначала пообедать, выпить чаю и покурить, и лишь затем мог уделить внимание пациенту, а после того, как это было сделано, я выписывал рецепт.

От Джорджа Кеннана доктору Морриллу, 4–16 июля, 1866 г., ящик 1, файл 1, документы Джорджа Кеннана, Отдел рукописей и архивов, Нью-Йоркская публичная библиотека.

Примечание С. Смит-Питер 3: В следующем письме мы видим Кеннана в легком и игривом настроении: он пишет своей сестре Харриет (Хэтти) всякую милую чепуху, в том числе обсуждая, стоит ли ему писать в игривом или в серьезном настроении. Тот посыл, что исходит из этого, однако, во многом схож с содержанием предыдущего письма доктору Морриллу: Кеннан не обессилен и не болен, и родным не следует переживать за него. Он вновь называет себя сибирским ссыльным. Интересная деталь письма – краткая биографическая заметка, которую Кеннан пишет о своем друге, Джеймсе Додде – американце, прожившем здесь несколько лет и занимавшимся бизнесом до того, как присоединиться к экспедиции (Saul 1991: 365). В этом письме впервые упоминается о том, что они ждут корабли снабжения, которым предстоит еще несколько месяцев пути и которые доставят еще больше беспокойства после своего прибытия. Как и предыдущее, это письмо не окончено.

Гижигинский маяк,
внутренняя часть Гижигинского залива
Американская экспедиционная служба
Понедельник, 9 июля 1866 г.

Моя дорогая Сестра Хэтти,

Я, с волнением и нетерпением, три бесконечных месяца ждал, когда придут ----- (подумай о каком-нибудь крепком ругательстве) наши

суда с новостями из дома и от друзей и время от времени откладывал написание письма, думая, что скоро получу известия и смогу ответить с большим пониманием и настроением, лучше учитывающим обстоятельства моих адресатов, которые, несомненно, значительно изменились с того момента, как мы списывались в последний раз. Например (в качестве иллюстрации, ты понимаешь), я знаю только то, что за тринадцать месяцев, прошедших с тех пор, как я уехал из Америки, ты последовательно прошла через все стадии отношений: изучения, восхищения, объявления, обсуждения, согласия, приготовления, осуществления, поздравления и уехала жить за город, став рассудительной, степенной замужней женщиной, и считаешь, что бессмысленные подшучивания и безрассудство твоего брата совершенно не под стать твоим изменившимся взглядам, вкусам и обстоятельствам, и я сомневаюсь, оценишь ли ты это письмо хоть немного так, как оно того заслуживает. Сейчас пришлось бы кстати что-то в стиле трактата по ведению домашнего хозяйства или пара нравственных аксиом, необходимых для управления им, а также некоторые размышления по поводу ответственности, взаимоотношений и обязательств, сопряженных с замужеством. Я уже мысленно, на всякий случай, сделал наброски такого письма. При теперешних обстоятельствах не знаю, как лучше и писать: весело, живо, с чуткостью (пожалуй, мое состояние и местонахождение исключают возможность последнего) или серьезно, спокойно и вдумчиво, чтобы соответствовать настроению, в котором ты, возможно, пребываешь. Если бы я писал в согласии со своим настроением в данный момент, то письмо получилось бы неприятным, поскольку расположение моего духа далеко от того, что можно было бы назвать дружелюбным из-за неприбытия этих треклятых судов, которых мы ждем, затаив дыхание, с первого мая. Бриг «Хэтти Джэксон» прибыл к нам из Сан-Франциско более трех недель назад, но, к моему глубокому разочарованию, писем для меня не было. «Nine illae lachimae»³. До тех пор, пока мои друзья не подадут сигнал, что помнят о своем друге, им не следует надеяться на яркие, живые и искрометные приветы из сибирской ссылки. Их друг может предположить, что он вычеркнут из их памяти, и удалиться из привычных окрестностей и веселого общества у Гижигинского маяка, чтобы уединиться в корякской юрте в горах, где проведет остаток своих дней в раздумьях о том, как коротка человеческая память и как неблагонадежны почтовое сообщение и суда телеграфной компании «Вестерн Юнион». – Tak i boodet⁴.

Гижигинский маяк, Северо-Восточная Сибирь
В первый месяц после прибытия наших судов
и седьмой день 1866 года.

Бесполезность любого искусственного способа вычисления времени в этой стране побудила меня проставлять даты своих писем с момента при-

бытия судов, точно так же как римляне вели отсчет с «основания города» или мусульмане – с «Хиджры» – событий, имевших огромное значение в истории и жизни людей. Дело в том, что я не знаю точно, что это за день, и ставлю ближайшую, по моему предположению, дату. Я сел пополудни написать ответ Элле Дулиттл, письма от которой я не получал, но поскольку этот ответ будет своего рода рассудительным и осмысленным творением, в чем я не очень силен, я продвигаюсь медленнее, чем хотелось бы и решил временно его отложить, а также немного оживить свои идеи, написав тебе. – Ты должна быть очень польщена тем, что все свои рассудительные письма я пишу кому-то другому и выливаю всю свою бессмыслицу на тебя; должен признать, что это не очень благодарный ответ за все добрые сестринские письма, что ты писала мне, но ты можешь утешить себя мыслью о том, что во взбалмошных и беспечных моих письмах ты получаешь более точную картину того, что думает и чувствует твой брат, чем та, которую ты бы составила из бесчисленного множества банальных настроений, продуманно выраженных безупречным языком. Тебе в большей мере открывается личность автора, а это для меня есть самое большое очарование в письмах. Если мои адресаты предпочтут стиль, которым я руководствуюсь (примечание С. Смит-Питер: часть письма вырвана), чего я хочу от них, им стоит лишь сообщить мне об этом, и я с огромным удовольствием последую их пожеланиям. Мне более близок первый стиль, нежели второй.

Не могу тебе высказать, как много радости мне подарили твои добрые письма. То наслаждение, что я извлек из них до настоящего момента, практически не поддается измерению, а так как я прочел их всего лишь на пять раз – впереди остается, конечно, еще немало удовольствия. Письма, которые я получил в Сан-Франциско пятнадцать месяцев назад, я перечитал почти на сорок раз в Гижиге за день или два до прибытия наших судов, и они ни в коей мере не исчерпали себя, хотя отсутствие дальнейших писем, как и перспективы получения каких-либо дальнейших писем, сделали их прочтение чем угодно, только не вдохновляющим и приободряющим занятием. Додд не стал читать своих, заявив, что если начнет это делать, то будет страдать ностальгией неделю, и, понимая, что так оно и было бы, я не хотел вгонять его в то состояние ума, при котором он перестает быть приятной компанией. Ты, наверное, любопытствуешь, кто же этот Додд, который за последний год стал моим «fidus Achates»⁵, и о котором ты находишь так много рассуждений в моих письмах. «Он родился в 1842 году в семье богатых, но уважаемых людей» в пригороде города Трентон в Нью-Джерси. Как и в случае с Шекспиром и другими знаменитыми личностями, начало его жизни затерялось в неизвестности, но из скудной информации, полученной от его биографа, можно сделать вывод, что он рано стал проявлять признаки таланта по поглощению всего съестного и ту

робость в присутствии представительниц прекрасного пола и отвращение к ним, что с тех пор выдавали его и сделали светочем для любителей красивой жизни и убежденных холостяков. Он впервые вышел на сцену активной жизни в Петропавловске-Камчатском, несколько тесноватую для исчерпывающей демонстрации своих способностей, но ожившую в его присутствии и преобразившуюся в свете его талантов на шесть лет. Несмотря на последнюю из вышеупомянутых черт характера, он всегда был в центре внимания самой изысканной части камчатского общества, что объясняется его красотой и врожденным превосходством {характера}, нежели какими-либо усилиями с его стороны по обретению подобного положения. После появления в Петропавловске Русско-американской телеграфной экспедиции, глава предприятия не стал терять времени, стараясь заполучить такую ценную находку, как Мистер Додд, в свою компанию – обстоятельство, которое говорит о проницательности первого и о значимости второго. С того времени Мистер Додд, участвует в исследованиях северной Сибири под руководством Мистера Джорджа Кеннана, молодого и одаренного члена экспедиции, чье имя, несомненно, известно нашим читателям в связи с нехваткой сушеной рыбы в Северо-Восточной Сибири. А именно ввиду опасения, высказанного им по поводу того, что ее поставки в текущем году не удовлетворят его спроса. Под руководством того, чьи вкусы и привычки были такими близкими ему по духу, Мистер Додд провел приятный год, неся благодатный свет и легкую обходительность цивилизованной жизни в {к} юрты {-ам} коряков и чукчей, своим примером и наставлением делая многое для спасения этих людей от варварства, а также распространяя среди них удобства цивилизации. По возвращении в Гижигу, в качестве признания за его ценную службу, он был назначен «суперинтендантом отдела» в «Земельном отделе» Северного подразделения, заведовавшего территорией между Гижигой и Анадырском – позиция, которой он, несомненно, добавит компетентности и добьется уважения к себе и к компании. Здесь нам придется завершить нашу краткую биографическую заметку с пожеланиями успеха и счастья ее субъекту и с предвосхищением того, что таланты, возведшие его в нынешнее значимое и влиятельное положение, не будут утрачены, но укрепят его репутацию и приведут к новым высотам. Мы убеждены, что читатели присоединятся к нашему сердечному пожеланию: «Да будет он всегда развиваться».

– Гижигинский ежедневный вестник прогресса –

Вот! Кто скажет, что здешний редактор «Гижигинского вестника прогресса» не может написать биографию. Я со спокойствием указываю на вышеизложенное как на документальное свидетельство

того, что он может. Редактор желает, чтобы я, ради общественного блага, сказал, что заявкам на письменные биографии будет уделено оперативное внимание на настолько разумных условиях, насколько они соответствуют текущей цене на сушеную рыбу, тюлений жир и прочие предметы первой необходимости. Гарантируем: вы будете довольны, в противном же случае мы вернем вам деньги. В качестве аванса, если таковой будет предложен, принимается сушеная рыба. Ха-ха. Я составил эту «биографию» по аналогии с тем, как была оформлена «заметка», которую доставили Мистеру Кнаппу в редакцию «Журнала штата Огайо» в Колумбусе, в тот момент, когда я был там. Он помнит о ней. Конечно, это – карикатура на Мистера Додда.

Полагая, что его знание русского лучше моего, он в последнее время неоправданно много подшучивал надо мной перед русскими и местными леди, так что я с полным правом могу сейчас делать то же самое с ним. Однако он действительно застенчив. Если он вернется со мной домой, я излечу его от этого. Я прислал бы тебе его фотографию, но у него их нет. Мы вместе путешествуем уже как раз год, и я понял, что он надежен в момент опасности и не унывает в трудных условиях, которых испугался бы человек более слабый духом, он всегда – [настоящий], добрый друг –

Немного позднее

Я только что перечитывал твои письма, и майор, наблюдая улыбку на моем лице, подметил, что «они, по-видимому, доставляют мне огромное удовольствие». Да, доставляют, за одним исключением. Ты слишком много беспокоишься о моей безопасности. В своем письме я уже всем вам написал все – о чем я мог подумать – чтобы избавить вас от этого страха. Вы знаете, я никогда вас не обманывал, верьте мне, когда я говорю, что считаю, что будущей зимой я здесь ни на чутьочку в большей опасности, чем, если бы я был дома. Действительно, я думал, что поездка прошлой осенью, которую я собирался предпринять в северном направлении, была довольно серьезным мероприятием, и я написал вам, находясь, под этим впечатлением – тем хуже – но опытным путем я убедился в том, о чем писал тебе выше: мы – в такой же безопасности здесь, как и в любом другом месте. Если кто-нибудь, пытаясь посочувствовать тебе, станет с грустью говорить в том, что твой брат в опасности, испытывает тяготы, у него – «хрупкое телосложение» и тому подобные вещи, заставляющие тебя беспричинно волноваться и беспокоиться, смейся над ними, как смеялся бы я, если бы был там, а потом, вернувшись домой, прочти это письмо.

С тех пор, как я здесь, я подвергся опасности только два или три раза, и это случилось в условиях, которые, вероятно, никогда больше не

повторятся. Что до тех случаев: один из них был в горах Samanea, другой – в Тигильских горах и третий – в устье реки Анадырь – я тебе их все описывал. Но я определенно больше не буду тебе писать, если ты начинаешь от этого волноваться. Сейчас я чувствую себя преступником, потому что написал тебе об этом, что, как я полагал, я должен был сделать прошлой зимой, и это усилило твои страхи. Что же до моей неспособности пережить вторую зиму, я бы мог посмеяться над этим, если бы ты не воспринимала это так серьезно. Потому что, моя дорогая «Харриет», опасность того, что я не переживу следующую зиму здесь – в два раза ниже, чем была вероятность не пережить прошлую зиму, когда я был в Цинциннати, но никто не задумывался о том, что эта вероятность была столь неизбежна, чтобы вызвать тревогу. Скажу больше: я гораздо охотнее провел бы еще одну зиму здесь, чем ту, что была там. Поверь мне, я искренен. Не позволяй своему воображению рисовать меня замерзающим до смерти или голодающим в одной из безлюдных степей; думай лучше о том, как я танцую на местном балу, под музыку двухструнной гитары, трех оловянных ложек и гребешка или как я сижу вместе с Доддом на коряжской юрте.

От Джорджа Кеннана Хэтти Кеннан, 9 июля 1866 г., ящик 1, файл 1, документы Джорджа Кеннана, Отдел рукописей и архивов, Нью-Йоркская публичная библиотека.

Примечание С. Смит-Питер 4: Следующее письмо представляет черновик письма Кеннана, которое ему, наверное, было трудно писать, поскольку он вынужден критиковать начальника, но не хочет настроить его против себя. Корабли, о которых Кеннан уже писал своей сестре Хэтти, не появлялись все лето. Глава экспедиции, полковник Чарльз Балкли, бывший глава военного телеграфа Севера на юге Штатов, «обещал, что корабли с персоналом, материалом и снабжением для незамедлительного выполнения работ будут в Гижиге и в устье реки Анадырь, как только лед позволит им войти» (Saul 1990: 364; Kennan 2007: 365). Однако Балкли не сдержал своего обещания. Майор Сергей Абаза, хорошо знавший Сибирь и телеграф, был назначен главой всего Сибирского подразделения, однако Балкли, которого большинство историков считают неэффективным руководителем, не проинформировал его о сложившейся ситуации. В своем письме Балкли Кеннан должен был рассказать о положении дел вместо Абазы, которого Кеннан очень уважал и который не знал о происходящем, с тем, чтобы выяснить, каковы были распоряжения Балкли, и обратить его внимание на тот факт, что корабли прибыли слишком поздно, чтобы успеть отплыть обратно до того, как лед снова встанет. Путаница, которую эта задержка вызвала, живо описана Кеннаном в главах 32 и 33 книги «Палаточная жизнь».

Гижига, Северо-Восточная Сибирь
Сентябрь [] Октябрь [] 1866 г.

Полковнику Чарльзу С. Балкли
Главному инженеру

Сэр (примечание С. Смит-Питер: в оригинале имеется пропуск) майор Абаза отправился из порта 19 сентября / 1 октября на русском правительственном пароходе «Сахалин» в Охотск (примечание С. Смит-Питер: пропуск). В [это] {его} отсутствие [майора Абазы] имею честь доложить, что корабль «Пальметто» прибыл в Гижигу из Сан-Франциско 8/20 сентября по прошествии 112 дней. Из-за своей осадки судно не смогло зайти в реку, но поскольку его лучший становой якорь был поврежден несколько дней спустя после прибытия, было решено, что небезопасно оставлять его так и, соответственно, насколько это было возможно, его завели в пределы реки и закрепили в устье, где оно сейчас и находится. Благодаря нашим настойчивым усилиям удалось разгрузить практически все, однако была проделана сложнейшая работа, поскольку груз можно было размещать только на более легких, маленьких лодках во время прилива и в ночное время. «Пальметто» была значительно повреждена вследствие ударов о дно в районе южных ворот, полученных, когда она была на приколе, но компетентные органы признали ее пригодной для судоходства, и она покинет порт во время следующего прилива примерно 5/17 октября. Я надеюсь, что к тому времени удастся разгрузить все, кроме шестидесяти или семидесяти тонн угля, который она повезет обратно в Петропавловск в качестве балласта. Река Гижига покрылась льдом в трех милях от устья, и большое количество плавающего между судном и морским берегом льда не позволяет разгрузить уголь и заменить его балластом вовремя, дабы судно могло выйти в море со следующим приливом. Якорь корабля был заменен на новый, такого же веса, взятого с русского правительственного парохода «Сахалин» и, насколько позволили местные ресурсы, были произведены прочие ремонтные работы. Пока судно лежит здесь на мели, трудно определить степень повреждений и понять, сможет ли оно вернуться в Сан-Франциско этой осенью. Майор Абаза пожелал, чтобы я оставил этот вопрос на усмотрение офицеров судна, после того, как они выяснят, как оно поведет себя в бурном море. Если они решат, что это безопасно, корабль отбудет в Сан-Франциско этой осенью. Если нет, он останется зимовать в Петропавловске. Я прилагаю копию своего письма [по] [этому вопросу] Мистеру Пирсу по этому вопросу.

Барк компании под названием «Онуорд» все еще не прибыл, и такое опоздание говорит о крайне малой вероятности того, что он все-таки прибудет, хотя мы ничего не знаем о его местонахождении или о том,

как обстоит дело с его грузом и пассажирами. {Нет никакой возможности для него войти в этот порт сейчас} Мистер Пирс передал через «Пальметто» сообщение о том, что в случае, если «Онуорд» прибудет в Петропавловск слишком поздно, вы разрешаете оставить его там, но майор Абаза не получил от вас никакого уведомления на сей счет, и Мистер Пирс не информирует его о том, как вы думали разместить судно в случае такой крайней необходимости. [В этих условиях майор Абаза оказался в замешательстве относительно того, как урегулировать вопрос]. Полагая [однако], что «Онуорд» {вероятно} дошел до Петропавловска, он оставил мне поручение передать с «Пальметто» указание для «Онуорд» высадить пассажиров и разгрузиться в Петропавловске и немедленно возвращаться пустым в Сан-Франциско. Копию приказа прилагаю. [Он полагал, таким образом, что «Онуорд» или какое-то другое судно равной мощности, с легкой осадкой, прибудет в Петропавловск ранней весной следующего года, груженое углем {или припасами}, чтобы выгрузить там уголь {или припасы} и, взяв на борт груз и пассажиров, сошедших там этой осенью, направиться в Гижигу. У хорошего судна, если бы оно прибыло в Петропавловск в начале мая, было бы предостаточно времени для того, чтобы привезти один груз в Гижигу и, вернувшись, привезти другой в течение лета.] Если «Онуорд» вовсе не прибудет в Петропавловск, разумеется, это распоряжение будет бесполезным – но в любом случае вам будет известно, что с ней случилось и как урегулировать ситуацию с целью транспортировки в Гижигу ее груза в следующем году, где бы он ни был.

Майор Абаза {далее проследует} [отправился 19 сентября / 1 октября на русском правительственном пароходе «Сахалин» в] {из} Охотска [и] {в} Якутск {с целью найма} [куда он едет, чтобы взять] рабочих и {приобрести} лошадей для работ следующим летом. [Я сожалею, что у него не было возможности самому написать вам до отъезда, но я постарался в точности передать вам его пожелания и соображения в отношении наших судов.] {Скорее всего, он вернется в январе.} Он [будет] {намеревается} писать вам более подробно [через Санкт-Петербург] по возвращении в Охотск. Я пересылаю квитанции на груз «Пальметто» и разгрузочные документы для товаров, размещенных на таможенном складе.

С большим уважением и почтением

Ваш покорный слуга,

Джио Кеннан

От Джорджа Кеннана полковнику Чарльзу Балкли, сентябрь – октябрь 1866 г., ящик 1, файл 1, документы Джорджа Кеннана, Отдел рукописей и архивов, Нью-Йоркская публичная библиотека.

Примечание С. Смит-Питер 5: В следующем письме недостает большей части текста, но можно прочесть отрывок, в котором Кеннан

выговаривается своему отцу о пропавших кораблях и прочих злоключениях. О спасении Кеннаном группы голодающих работников телеграфа в устье реки Анадырь можно прочитать в главах 33 и 34 книги «Палаточная жизнь», где он отмечает, что судно «Голден Гейт» прибыло по реке слишком поздно, подвергнув, таким образом, местную экспедицию ужасным испытаниям. Несколько месяцев спустя, в декабре 1866 г., Абаза написал: «Похоже, что полковник Балкли намеревался нас тут “искалечить” и продержал “Голден Гейт” в бухте Пlovera две недели, чтобы наверняка этого добиться! Ему это удалось. Полагаю, никто не может упрекнуть меня в предвзятости по отношению к полковнику Балкли. Никогда плохого слова ни о нем, ни о его правлении не высказывал, но то, что он оставил группу Буша голодать в устье Анадыри и удерживал “Голден Гейт”, пока не установилась зима, даже святого привело бы в негодование. Он может объяснить это для успокоения компании, но мне – никогда не сможет. Я полностью утратил доверие к нему» (Saul 1991: 368).

Главный штаб, Азиатское подразделение
Гижига, Северо-Восточная Сибирь
4–16 февраля, 1867 г.

Мой Дорогой Отец,

Корабли компании прибыли сюда только с началом зимы, они потерялись и со своим многочисленным экипажем оказались у нас на руках в таком ужасном месте, как устье Анадыри, с провизией лишь на два месяца; мы должны позаботиться о них и поддерживать их жизнь до весны, как только можем. Затем в Анадырске наступил голод, все собаки вымерли, и люди разошлись, кто куда, в поисках пропитания. Это не позволяет нам отправить группу в устье Анадыри или оказать им какую-либо поддержку. Не знаю, если им хватит припасов до того, как наши суда придут следующим летом. Надеюсь, что отправка 15 человек облегчит их положение, и остальные 31 смогут продержаться. Не пожелал бы себе в следующем году того волнения, что испытываю в этом, будь моя зарплата хоть вдвое выше.

От Джорджа Кеннана его отцу, Джону Кеннану, 4–6 февраля 1867 г., ящик 1, файл 1, документы Джорджа Кеннана, Отдел рукописей и архивов, Нью-Йоркская публичная библиотека.

Примечание С. Смит-Питер 6: Последнее письмо, адресованное двоюродной сестре Кеннана, Эмме Хичкок, – достойное завершение истории, поскольку оно в элегической манере описывает еще одно долгое ожидание кораблей и последних новостей, что они привезли: о том, что вся экспедиция должна прекратить работу. Хотя компания «Вестерн Юни-

он» распорядилась об этом в октябре 1866 г., Кеннан, почти в течение года, до июля 1867 г., ничего не знал (Saul 1991: 369). Он размышляет о том, что потребуется сделать Абазе, чтобы свернуть экспедицию, и философски пишет о невозможности предположить, где он встретит следующий новый год. Как и прочие письма, это также не окончено.

Барк «Онуорд»

В море, в стороне от Ямской бухты
21 августа 1867 г.

Дорогая Кузина Эмма,

Твое приветственное письмо написанное, я полагаю, в течение 1865 г. (оно не было датировано), пришло ко мне с барком «Онуорд» где-то через месяц после отправки, объехав земной шар и пройдя через приключения и злоключения, которые большинству писем обычно не выпадают. Сколько лишенных воображения клерков отделов невестребованных писем и флегматичных цензоров от русского правительства ломали голову над его содержанием прежде, чем оно попало ко мне в руки – я не знаю. Похоже, что ничего предосудительного они в нем не нашли, раз оно было адресовано сибирскому ссыльному, и перенаправили его далее в Николаевск, а оттуда в Америку, откуда оно и пришло через обширный Тихий океан. Могу только догадываться, из каких мест его только не перенаправляли, судя по необычным почтовым штемпелям и наполовину разборчивым надписям, которыми украшен конверт. «Аахен, Бромберг, Эйдткунен, Москва, Пермь и Николаевск», кажется, – лишь некоторые из тех пунктов, в которых оно побывало, хотя признаю отсутствие у меня какого-либо представления о том, где, во имя всего географического, это находится.

Долгие, долгие месяцы, прошедшие с начала зимы, тянулись медленно для нас, ожидавших судна из Америки или чего-то, что могло бы привнести немного жизни в это старое поселение, Гижигу. День за днем мы взбирались по отвесному берегу к маяку и подолгу смотрели на широкую водную гладь между Матугой и Мысом Катерины с тем, чтобы затем вновь уйти с глубоким вздохом разочарования от неосуществившейся надежды и с болью в сердце. Периодически взмах крыльев морских птиц или видневшийся на горизонте айсберг заставляли наши сердца на мгновение подпрыгивать в радостном предвкушении новостей или писем от любимых из «Благословенной Страны», но, по мере того, как возникший объект медленно превращался в нечто неопределенное и, наконец, исчезал в голубом небе, наши надежды вновь угасали – еще больше, чем прежде – и медленными шагами, с мрачными лицами мы возвращались обратно в свои безотрадные жилища.

9 июля после обеда, когда я сел за свой маленький зеленый столик, чтобы писать, меня взбудоражили ликующие крики «ура», доносившиеся с вершины утеса; я выглянул в окно как раз в тот момент, когда Фосетт размахивал своей шапкой с высокого участка склона, а Льюис безрассудно быстро мчался вниз – с головой, по меньшей мере, на ярд опережавшей его ноги, которые тщетно пытались широкими шагами предотвратить полное отделение этой части его тела. Было очевидно, что что-то случилось, и я выбежал, чтобы получить объяснения. Задыхаясь от неистовости своих усилий, Льюис едва смог проговорить: «Корабль», – одновременно указывая в направлении Мыса Катерины. Потребовалась лишь минута, чтобы взбежать вверх по берегу до башни, удостоенной того же названия «Маяк», откуда легко можно было увидеть верхние реи большого корабля с прямыми парусами, движущегося прямо по ветру. Поскольку китобойный флот давно покинул эти окрестности, мы сразу решили, что это, должно быть, одно из судов компании и спешно приготовили патроны для зажигания сигнальных огней. В страхе, что, если мы отведем глаза от его наполненных ветром парусов, оно растворится в воздухе подобно кораблю-призраку или превратится в иллюзорный айсберг, мы оставались на утесе до того момента, пока угасавший сумеречный свет и поднявшийся вечерний туман не скрыли его из виду, и пока комары, полагаясь на наше безразличие к их разведывательным действиям, с силой не атаковали нас, заставив укрыться в здании маяка. Судно под названием «Онуорд», действительно, оказалось барком компании, прибывшим из Сан-Франциско и привезшим с собой неожиданные, удручающие известия о необходимости оставить телеграфную линию. Я сразу направил его в Охотск, где находился майор Абаза, и сам отправился туда же, намереваясь передать свои отчеты и счета, чтобы сразу после уехать домой, проездом через Иркутск и Санкт-Петербург. Однако телеграмма, которую майор Абаза получил два дня спустя после нашего прибытия, потребовала его немедленного присутствия в Санкт-Петербурге, что решительно нарушило все мои планы добраться до дома к Рождеству, и на меня пал весь груз хлопот по сбору наших разбросанных групп, урегулированию счетов и завершению нашего предприятия. Богатый опыт, однако, научил меня философски относиться к разочарованиям, и я, насколько возможно благосклонно, согласился на продление своей ссылки. Майор А. и я покинули Охотск в один день: он отправился в Санкт-Петербург, я – в Ямск и Гижигу и промежуточные пункты, где у нас были люди и склады. После их сборов я вернусь на «Онуорде» в Охотск, отправлю судно в Сан-Франциско и буду ожидать на прежнем месте распоряжений из Санкт-Петербурга. Надеюсь быть дома проездом через Сан-Франциско где-то в феврале, но, разумеется, это еще не окончательно. К лету я определенно доберусь до Америки.

Полагаю, родные очень воодушевлены тем, что я должен вернуться в сентябре или октябре, и будут очень разочарованы, когда узнают, что я не успею приехать к Рождеству. Ничего не поделаешь, я так же разочарован, как и они. Кто может сказать в это Рождество, где он встретит следующее? 1 января 1864 года новогодние дни я провел дома, в 1865 году – верхом на упрямом муле в тропических лесах цветущего Никарагуа, останавливаясь здесь и там, чтобы нарвать апельсинов у обочины, полюбоваться мерцающим зеленым и золотым оперением прекрасной птицы или густой зеленой лозой, свисающей с верхушек деревьев.

1 января 1866 года я был далеко – на просторах голых, безлюдных, заснеженных сибирских степей, припав в долгой арктической ночи к лагерному костру, тепло от которого едва ли можно было почувствовать при смертоносном холоде в –50 градусов. Много раз я провожал старый и встречал новый год, но ни один не останется в моей памяти дольше, чем та ясная, холодная, звездная ночь в Налгимской степи, под хмурым изгибом горы Налгим. Канун нового 1867 года нашел меня вновь у лагерного костра на берегах реки Парень, когда сумасшедший норд-ост бушевал, завывая в вершинах деревьев, и кружил клубы плотного снега над нашими головами. Под толщей снега я и проснулся тогда, в новогоднее утро. Новогодний день 1868-го меня застанет – где?

Надеюсь, что в Санкт-Петербурге, по пути домой. К тому моменту я завершу объезд мира и достаточно попутешествую, временно умиротворив свой неутомимый дух. Я посвящу основное время тому, чтобы навестить друзей, стать цивилизованным и вновь насладиться радостями общения. Возможно, моя дорогая Сестренка, тебе будет интересно узнать, чего больше всего не хватает путешественнику в этой угрюмой стороне, чего он особенно сильно желает. Это не материальные удобства жизни, как ты можешь представить, такие, как удобный дом, прогретый камин или хороший ужин. Эти вещи или отсутствие таковых – просто пустяк. Больше всего я скучаю по музыке и беседам. Никогда прежде не осознавал, насколько и то, и другое важно для жизни и никогда не знал, как нежно я люблю музыку, пока прошлым летом не услышал духовой оркестр русского крейсера «Варяг». Мы взошли на его борт вечером, а утром совершенно неожиданно нас разбудила мелодия «Да здравствует Колумбия» в исполнении группы из двадцати инструментов. Мы все были в восторге и едва дышали, пока звучали боевые звуки и пока не стали исполнять более мягкие ноты тюремной песни из «Троваторе», музыку, постепенно угасавшую над тихими водами залива и более громкие пассажи, слабым эхом отзывавшиеся в высоких утесах Матуги.

Никогда прежде эти вершины не отражали звуки «Троваторе и Ригголетто», и, скорее всего, это больше не повторится. Думаю, прошлой зимой я проехал пять верст на собачьих упряжках, чтобы услышать ис-

полнение оркестром «Венгерского марша», «Хора цыган» и некоторых из самых красивых отрывков «Марты». Тот день на «Варяге» я надолго запомню как белый день своего безотрадного календаря. Когда мы покинули судно, оно медленно выпустило пар, оркестр играл «Будь счастлив всегда и благословен, как теперь»⁶. Признаюсь, от избытка чувств у меня перехватило дыхание, и когда шляпы в воздухе над палубами исчезли из виду, мы с угрюмыми лицами, молча, повернулись в сторону унылого маяка, ощутив печаль более глубокую, чем в течение долгих месяцев до этого. Те, кто живет среди общества и музыки, не осознают, что это – благословение. Попутешествуй они два месяца, как я прошлой зимой, с группой грязных, диких коряков по бескрайним заснеженным степям между Гижигой и Анадырском, где нет ни души и ни разу не услышишь своего языка, поживи они с неделю или десять дней в черной, холодной, задымленной полуземлянке, без книг и без людей, за исключением двух или трех корякских старух, под вой негодующей снаружи метели, и посмотрим, не захотят ли они поменяться местами с кем угодно на этой земле.

В заключение, после того, как Кеннан завершил все дела телеграфной экспедиции, он проехал порядка 5 000 километров на собачьих упряжках и тройке, добираясь до Москвы и Санкт-Петербурга. За работу в течение 30 месяцев он получил зарплату всего лишь в 1 000 долларов за вычетом потерь по его акциям, т.е. примерно по одному доллару за день (Wrobel 2015: 291). В то же время этот опыт определил направление всей его жизни, и он вновь и вновь возвращался к нему в рамках самой популярной из своих лекций. При всех трудностях этот опыт сделал его взрослым и вывел на путь становления в качестве первого американского эксперта по России.

Примечания

¹ Русский язык: приветствие.

² Русский язык: и так далее и тому подобное.

³ Латынь: вот откуда эти слезы.

⁴ Русский язык: так и будет.

⁵ Латынь: верный друг.

⁶ «Венгерский марш» – из произведения Гектора Берлиоза «Осуждение Фауста»; «Хор цыган» – из произведения Верди «Трубадур»; «Марта» – романтическая опера, написанная Фридрихом фон Флотоным (1812–1883). Здесь Кеннан имеет в виду песню «Будь счастлив всегда и благословен, как теперь» из «Хора пиратов» оперы М.У. Бальфа (1808–1870) «Чародейка».

Литература

Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge, UK, 1999.

Commemorative Biographical Record of the Counties of Huron and Lorain, Ohio. Chicago, 1894.

- Daniloff N.* George Kennan and the Challenge of Siberia // *Demokratizatsiya*. 1999. Vol. 7, No. 4. P. 601–612.
- Dwyer J.* To Wire the World: Perry M. Collins and the North Pacific Telegraph Expedition. Westport, CT, 2001.
- Fogelson D.* The American Mission and the “Evil Empire”: The Crusade for a “Free Russia” since 1881. Cambridge, UK, 2007.
- Good J.* America and the Russian Revolutionary Movement, 1888–1905 // *The Russian Review*. 1982. Vol. 41, No. 3. P. 273–287.
- Gordon J.* A Thread Across the Ocean: The Heroic Story of the Transatlantic Cable. New-York, 2003.
- Hundley H.* George Kennan and the Russian Empire: How America’s Conscience Became an Enemy of Tsarism. Kennan Institute Occasional Paper # 277.
- Kennan G.* Vagabond Life: The Caucasus Journals of George Kennan. ed. Frith Maier, with contributions by Daniel C. Waugh. Seattle, 2002.
- Kennan G.* Tent Life in Siberia: An Incredible Account of Adventure, Travel, and Survival. New-York, 2007.
- Ledyard J.* John Ledyard’s Journey through Russia and Siberia, 1787–1788: The Journal and Selected Letters / Ed. Stephen Watrous. Madison, WI, 1966.
- Mohrenschildt D. von.* Toward a United States of Russia: Plans and Projects of Federal Reconstruction of Russia in the Nineteenth Century. Rutherford, NJ, 1981.
- Saul N.* Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867. Lawrence, KS, 1991.
- Stults T.* George Kennan: Russian Specialist of the 1890s // *The Russian Review*. 1970. Vol. 29, No. 3. P. 275–285.
- Travis F.* George Kennan and the American-Russian Relationship, 1865–1924. Athens, OH, 1990.
- Wrobel D.* Considering Frontiers and Empires: George Kennan’s Siberia and the U.S. West // *Western Historical Quarterly*. 2015. Vol. 46. P. 285–309.

Перевод с английского Елены Карагеоргией

Статья поступила в редакцию 7 июля 2016 г.

Smith-Peter Susan

THE SIBERIAN LETTERS OF GEORGE KENNAN THE ELDER, 1866–1867*

Abstract. George Kennan the Elder (1845–1924) was a crucial figure in the history of Russian-American relations. He was America’s first Russian expert and the namesake of the Kennan Institute in Washington, DC. His career was closely linked to Siberia, as his first experience of Russia was there, during the Western Union Telegraph Expedition of 1865–1867, which sought to connect Europe and North America over the Bering Strait rather than by a transatlantic cable, the success of which ended the expedition to Siberia. The letters collected here are from Kennan’s time in Siberia on the expedition. In 1865, he was just 20 years old and was in the process of finding himself as an adult and moving beyond the expectations and needs of his family. These letters show him engaging with the nature and people of Siberia, showing the keen observational skills that would make *Tent Life in Siberia*, a work based in part on these letters, a classic of nineteenth-century American travel literature. Kennan, like other Americans, had a positive image of Russia in the mid-nineteenth century. It was only as a result of his experiences in Siberian prisons, memorialized in his *Siberia and the Exile System* (1891), that his view changed. His experiences in Siberia, therefore, were the key to his life and work as a lecturer, author, and Russia expert.

Keywords: George Kennan, Siberia, telegraph, Russia, USA

*This original work was first published as Kennan Institute Occasional Paper #310, which can be accessed at: <https://www.wilsoncenter.org/publication/the-siberian-letters-george-kennan-the-elder-1866-1867-2016>"

References

- Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge, UK, 1999.
- Commemorative Biographical Record of the Counties of Huron and Lorain*, Ohio. Chicago, 1894.
- Daniloff N. George Kennan and the Challenge of Siberia // *Demokratizatsiya*. 1999, Vol. 7, no. 4, pp. 601–612.
- Dwyer J. *To Wire the World: Perry M. Collins and the North Pacific Telegraph Expedition*. Westport, CT, 2001.
- Fogelson D. *The American Mission and the "Evil Empire": The Crusade for a "Free Russia" since 1881*. Cambridge, UK, 2007.
- Good J. America and the Russian Revolutionary Movement, 1888–1905 // *The Russian Review*, 1982, Vol. 41, no. 3, pp. 273–287.
- Gordon J. *A Thread Across the Ocean: The Heroic Story of the Transatlantic Cable*. New-York, 2003.
- Hundley H. *George Kennan and the Russian Empire: How America's Conscience Became an Enemy of Tsarism*. Kennan Institute Occasional Paper # 277.
- Kennan G. *Vagabond Life: The Caucasus Journals of George Kennan*. ed. Frith Maier, with contributions by Daniel C. Waugh. Seattle, 2002.
- Kennan G. *Tent Life in Siberia: An Incredible Account of Adventure, Travel, and Survival*. New-York, 2007.
- Ledyard J. *John Ledyard's Journey through Russia and Siberia, 1787–1788: The Journal and Selected Letters*. Ed. Stephen Watrous. Madison, WI, 1966.
- Mohrenschildt D. von. *Toward a United States of Russia: Plans and Projects of Federal Reconstruction of Russia in the Nineteenth Century*. Rutherford, NJ, 1981.
- Saul N. *Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867*. Lawrence, KS, 1991.
- Stults T. George Kennan: Russian Specialist of the 1890s // *The Russian Review*. 1970, Vol. 29, no. 3. P. 275–285.
- Travis F. *George Kennan and the American-Russian Relationship, 1865–1924*. Athens, OH, 1990.
- Wrobel D. Considering Frontiers and Empires: George Kennan's Siberia and the U.S. West // *Western Historical Quarterly*. 2015, Vol. 46, pp. 285–309.